

Итак, распространенная точка зрения, согласно которой задача СМ в лингвистике состоит в получении ответов на вопрос «сколько?», одновременно верна и неверна. Она верна постольку, поскольку отражает существующее положение вещей. Она неверна потому, что использование СМ в лингвистике, как и в любой другой науке, имеющей дело с наблюдением и экспериментом, никоим образом не сводится к производству измерений.

II. Органичны ли статистические методы для лингвистики?

Рассмотрим теперь, в каких ситуациях следовало бы использовать СМ при изучении естественного языка. С этой целью нам придется затронуть некоторые более общие вопросы, связанные со спецификой исследовательских процедур в науках, имеющих дело с наблюдениями и экспериментами, к которым, по нашему мнению, относится и лингвистика.

Излишне напоминать, что цель научного исследования состоит не в регистрации фактов, а в установлении закономерностей. Регистрация фактов, в каких бы терминах она ни производилась, всегда лишь первый этап в познании закономерностей. Обычно исследователь, наблюдая некоторые факты, формирует определенное предположение о взаимосвязях между изучаемыми явлениями. Далее происходит сопоставление сделанных предположений с новыми фактами и проверка разумности сделанного предположения. Научный метод познания, таким образом, реализуется как непрерывная цепочка вида: наблюдение (или эксперимент) — гипотеза — проверка — выводы — новая гипотеза — наблюдения и т. д. Разумеется, мы представили эту цепочку в предельно упрощенном виде. Выбранного представления, однако, как нам кажется, достаточно для того, чтобы читатель мог задать себе следующий вопрос: так ли в принципе работает лингвист? Можно ли в лингвистическом исследовании выявить подобную цепочку или же лингвист приходит к своим выводам некоторым принципиально иным путем?

Все крупные этапы в развитии лингвистической науки сопровождались постановкой фундаментальных вопросов о структуре лингвистики как науки и о сущности используемых в ней исследовательских процедур. Крупнейший пересмотр многих понятий и методов произошел в лингвистике в 50-х годах нашего века под влиянием идей и достижений кибернетики. Было произнесено слово «металингвистика», и методологическая рефлексия, столь характерная для современного научного мышления в целом, стала проникать в лингвистические сочинения. В значительной мере следствием этой методологической рефлексии было обращение разных поколений лингвистов к анализу классических лингвистических сочинений от Панини до Сепира, Фортунатова и Щербы. Для советской лингвистики это вылилось в новую, углубленную оценку непреходящих ценностей и выявление прямой преемственности между современными подходами и, например, наследием Бодуэна и Фортунатова⁹. Среди многих выводов, которые можно считать прямым следствием упомянутой методологической рефлексии, укажем один, особенно важный для нашего обсуждения: было осознано, что большинство лингвистических описаний не являются строгими.

Как известно, строгое описание должно обладать следующими свойствами: оно должно быть логически последовательным, однозначным (как в целом, так и относительно употребляемых в нем терминов) и вполне эксплицитным, т. е. не предполагать возможности привлечения информации, не входящей в описание в явном виде.

Нет нужды повторять, что развитие науки осуществляется прежде всего путем непрерывной проверки и пересмотра научных концепций. Как известно, существуют два вида проверки истинности научных высказываний, причем каждый из них имеет свою сферу действия.

⁹ А п р е с я н Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.